

A digital illustration of a man and a woman in a romantic embrace at night. The man, with dark hair and a serious expression, wears a dark hoodie with white circuit-like patterns on the sleeve. He holds the woman's face gently. The woman has long, straight blonde hair and is wearing a black top. They are standing in front of the Colosseum in Rome, which is illuminated with a vibrant red light. The sky is dark and cloudy.

Maya S.

10 ЛЕТ СПУСТЯ..

Они встретились вновь, когда
время, казалось, застыло.

18+

Maya s. 10 лет спустя..

<https://litres.ru/74196448>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта книга — «живая рана», которую я решилась обнажить, чтобы перестать чувствовать её на себе. Она короткая, но в этих строках спрессована вся та боль, которую невозможно растягивать искусственно. Здесь нет вымышленных героев и придуманных трагедий — только горькая правда о том, как за считанные часы мир может превратиться в пепел. Если ты чувствуешь, как твоя жизнь распадается на части, если не знаешь, как дышать дальше — эта книга для тебя. Она не обещает мгновенного исцеления, но протягивает руку помощи, чтобы ты знала: ты не одна.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Maya s.

10 лет спустя..

Глава

Пролог

У каждой истории есть финал. У кого-то он наступает после сотен страниц долгих диалогов, у кого-то — после пары глав искристого счастья. Но наша история оборвалась на полуслове. Так стремительно и нелепо, что до сих пор кажется — это чья-то злая шутка, а не реальность.

Мы даже не дошли до кульминации. Мы застряли в бесконечном, звенящем «мы», которое в одну секунду превратилось в ледяное, безразличное «я».

Мир не должен был так просто продолжать вертеться. Солнце не имело права светить в окна, когда внутри меня всё было выжжено дотла. Это не было завершением — это было варварство. Кто-то просто вырвал страницы, оставив лишь чернильное пятно там, где должно было начаться самое важное.

Я до сих пор смотрю на тени, которые отбрасывают наши общие воспоминания, и не могу понять: как всё вокруг может оставаться прежним, если нас больше нет? Как можно поставить точку там, где небо требовало многоточия...

Глава 1. Чемодан с амбициями

Этот город не был столицей, но после моего маленького, уютного городка он казался мне бесконечным лабиринтом из стекла и бетона. Мой чемодан в клетку — новенький, купленный специально для этого путешествия, тогда, кажется, это было на пике моды — здесь, в этом большом городе, выглядел до ужаса наивно. Я поставила его посреди комнаты в общежитии, и он казался мне не просто багажом, а символом того, что я готова к большим переменам. Я еще не знала, что этот чемодан станет единственным, что будет действительно «моим» в мире, где скоро начнет править он.

— Майя! — окликнула меня соседка по комнате, врываясь в наше маленькое пространство с такой энергией, что казалось, будто она принесла с собой ветер с улицы. Она была второкурсницей и та еще оторва: вечно ищущая приключений, яркая, полная противоположность моей тихой натуре. — Сегодня я хочу показать тебе город, идем!

В то время я была совсем другой. Высокая, с длинными русыми волосами и карими глазами, которые на свету превращались в расплавленный мед. Моя фигура — тонкая талия и резкий, женственный переход к бедрам — скрывалась под нарочито скромной одеждой: простая рубашка в клетку, облегающие джинсы-скинни. Я была чистым полотном, а он — той самой краской, которая пришла, чтобы это полотно безвозвратно изменить.

Я чувствовала себя маленьким котенком, выброшенным

на оживленную трассу. Общежитие стало моей крепостью и одновременно — местом, где я училась быть взрослой. Я гуляла по городу часами, замороженно рассматривая огни, стараясь запомнить каждый поворот. Я была чистым, неиспанным листом, жаждущим приключений.

Первое столкновение произошло спонтанно. Мы стояли перед корпусом — я, мои новые подруги и еще несколько ребят из группы, обсуждая предстоящую лекцию. Воздух был наполнен гулом большого города, когда внимание всей компании вдруг сместилось в одну сторону.

Он шел по аллее не спеша, будто это не территория академии, а подиум. Мистер А. был одет с иголочки: безупречно сидящий пиджак, идеально выглаженная рубашка, брюки, подчеркивающие его уверенную походку. На лице были темные солнцезащитные очки, за которыми скрывалось всё то, что он не хотел открывать миру сразу. Его нарциссизм был почти осязаемым, густым, как шлейф парфюма с нотками дорогого дерева и табака. Я называла это «вайб секса» — от него пахло властью и чем-то неуловимо притягательным, от чего внутри разливалось странное, щемящее предчувствие, почти оргазмическое напряжение, возникавшее просто от одной его ауры. Внешность, созданная для того, чтобы сбивать с толку: высокий, с точеными, как у античной статуи, скулами и темными, почти черными волосами. Он небрежно поправил очки, обнажив на долю секунды те самые холодные, пронзительно-голубые глаза, которые вмиг

лишили меня дара речи.

— Привет, — сказал он, и голос его, прозвучавший чуть ниже, чем я ожидала, завибрировал где-то в области моего солнечного сплетения.

Я на секунду замерла, пытаюсь совладать с дыханием, и ответила как можно спокойнее, пряча смущение за привычной прямоотой:

— Привет. Кажется, лекция будет в этом корпусе, идем?

Он коротко кивнул, его взгляд на долю секунды задержался на мне — изучающий, цепкий, — и мы, небольшой группой, двинулись в сторону аудитории. Шум коридора, смех студентов, звон ключей у вахтера — всё это внезапно отошло на второй план, превратилось в какой-то невнятный фоновый гул. Я чувствовала его присутствие рядом каждой клеточкой кожи, и этот короткий путь по коридору показался мне длиннее, чем весь мой переезд из родного города.

Глава 2. Маятник судьбы

В последующие дни, на парах, где наша группа из четырнадцати человек сбивалась в плотный круг, я ловила себя на том, что изучаю его. Мы почти не оставались вдвоем — между нами всегда были чьи-то голоса, смех, учебные планы — но в каждом его слове, в каждом случайном взгляде сквозь аудиторию читалось обещание.

Меня тянуло к нему, как мотылька на пламя. Его мир состоял из вечного праздника: клубы, девушки, алкоголь, — всё это казалось мне чем-то далеким и даже пугающим. Я

же искала в людях искренность. Меня нельзя было купить пафосными жестами. Я искала глубину. И я нашла её там, где меньше всего ожидала — в его остром, как бритва, интеллекте и сарказме. Образ «раздолбая» совершенно не клеился с тем, как рассудительно и глубоко он мог говорить о жизни, когда дискуссия в группе затихала. В этом противоречии и крылась его ловушка — манящая глубина, надежно скрытая за фасадом беззаботности.

Вскоре эти случайные встречи переросли в нечто иное. Однажды он предложил: «Давай прогуляемся вечером? Просто поболтаем, узнаем друг друга вне стен академии». И я согласилась, обманывая себя тем, что это просто дружеская прогулка.

Вечер выдался по-осеннему прохладным. Мы шли вдоль набережной, ветер ерошил мои волосы, и, несмотря на теплое пальто, я то и дело вздрагивала — то ли от холода, то ли от странного, пульсирующего волнения, которое пробирало меня до костей. Мы болтали обо всем подряд, много смеялись, и этот смех сближал нас быстрее, чем любые слова. Впереди показалась старая деревянная беседка. Мы зашли внутрь, укрываясь от ветра. Здесь стало еще тише, и это уединение сразу сменило тон нашего разговора. Он подошел ближе, совсем близко. Я чувствовала исходящее от него тепло, и сердце забилось где-то в горле. Он мне безумно нравился. Но в голове набатом стучала фраза, которую слышала в коридорах: «У него есть девушка». Я поняла, что это уже не

просто прогулка с одноклассником, а самое настоящее недосвидание. Воздух между нами стал густым и наэлектризованным. Он подался вперед, явно собираясь поцеловать меня, и в этот момент я резко, почти испуганно отвернула лицо.

— Нет, — вырвалось у меня тише, чем я хотела.

Мне казалось, что это неправильно. Моя гордость и мои принципы вдруг встали между нами непреодолимой стеной. Неловкость повисла в воздухе, тяжелая и липкая. Мы быстро замяли эту ситуацию, стараясь вернуться к легкому тону, и пошли в сторону общежитий. Весь путь обратно я чувствовала, как он провожает меня, и тишина между нами была наполнена невысказанными словами. Он довел меня до самого входа, попрощался и ушел, оставив меня одну наедине с мыслями о том, что этот вечер изменил всё.

Эти эмоциональные качели длились весь учебный год. И этот год я была привязана к нему невидимой нитью: он умело придерживал меня на расстоянии вытянутой руки, чтобы я не уходила далеко, но стоило мне сделать шаг навстречу, как он тут же отстранялся, превращаясь в холодную тень. Я жила в состоянии бесконечного ожидания, не в силах впустить в свою жизнь кого-то другого, потому что всё мое сердце было занято надеждой на «нас». Я анализировала каждый его жест, каждый взгляд, пытаюсь разгадать код его поведения, не понимая, что единственной целью этого кода было удержание меня в орбите его влияния.

Слухи в академии распространялись быстро. В один из

душных майских дней я сидела на перемене, когда подруга прошептала: — Слышала? Он вроде расстался со своей. Надолго ли — вопрос, но сам факт... Во мне мгновенно зародилось опасное, теплое чувство. Надежда. Вдруг он понял, что я — нечто большее, чем просто одноклассница?

Вскоре Мистер А. объявил, что собирает всех на вечеринку у него дома в честь окончания первого курса. — Посидим, отметим, — бросил он, обводя взглядом наш небольшой костяк группы, который на долю секунды задержался на мне. Половина группы — те самые свои, с кем мы прошли через все «горящие» дедлайны сессии, — сразу согласились. Летний вечер, предвкушение каникул, легкий алкоголь — атмосфера вседозволенности кружила голову. Вечеринка была шумной, но к рассвету веселье пошло на спад. В квартире воцарился полумрак и сонный беспорядок, народ разбрелся по спальным местам.

Я легла на огромный диван рядом с подругой. Сон навалился мгновенно, стоило коснуться подушки. Но в какой-то момент я почувствовала чье-то теплое дыхание у самого лица. От этого ощущения я начала пробуждаться, еще не осознавая, где я и кто рядом. Не успела открыть глаза, как почувствовала его губы на своих — легкий, почти невесомый, но такой нежный поцелуй. В этот же момент подруга, будто почувствовав себя лишней, заворочалась, встала и вышла из комнаты. Мы остались одни. Меня будто магнитом притянуло к нему. Все страхи, все принципы, все услышанные

когда-то сплетни о его репутации — всё испарилось. Мы целовались, и этот поцелуй был ответом на все мои вопросы. А затем, поддавшись этому странному, пьянящему порыву, мы перешли к делу.

Для меня, воспитанной как «хорошая девочка», это не было случайным актом. В моей голове это был манифест, переход на новый уровень, начало нашей настоящей истории. Я смотрела на него после, чувствуя себя защищенной и бесконечно счастливой, уверенная: теперь всё изменится. Маятник наконец остановится, и придет время спокойствия и серьезности.

Я еще не знала, что для него эта ночь была лишь очередной отметкой в графике, а для меня она стала началом самого болезненного урока в жизни.

Глава 3. Ультиматум и крах

Месяц летней практики при академии превратился для меня в пытку. Мы были заперты в общем пространстве, постоянно работали бок о бок, и эта близость сводила с ума. В отношениях царил хаос: то он присылал сообщения «доброе утро, солнце», заставляя меня верить, что я для него что-то значу, то на весь день погружался в холодное молчание, даже если мы работали в одном кабинете.

Я пыталась выстроить логику там, где правил только его каприз. Наконец, я решилась. В один из душных вечеров, когда тишина общежития давила на виски, а неопределенность стала невыносимой, я осознала: я больше не могу су-

ществовать в этом подвешенном состоянии. Утром следующего дня, прямо перед началом занятий, я перехватила его у входа в кабинет. Собрала всю свою волю в кулак, я выпалила: — Либо мы в отношениях и официально позиционируем себя как пара, либо всё кончено. Он посмотрел на меня — тот самый изучающий, цепкий взгляд — и ответил: — Окей. Мы в отношениях.

В этот момент внутри меня что-то расправилось. Я протянула руку, он перехватил её, крепко сжал пальцы, и мы вошли в кабинет на глазах у всей нашей группы — уже как пара. Этот жест был моей личной победой. Но, как оказалось, это была ложь, в которую я так отчаянно хотела верить.

Наши «официальные» отношения продлились ровно две недели — нелепый, короткий эпизод, декорация, за которой скрывалась абсолютная пустота его намерений. Через четырнадцать дней магия публичности рассеялась, и всё вернулось на круги своя: та же дистанция, те же паузы и то же горькое осознание того, что для него это была лишь роль, а не начало нашей общей истории.

А потом... он просто начал исчезать. Сначала стал опаздывать, потом — уходить раньше, а последние две недели практики он и вовсе перестал появляться. Он бросил меня одну доделывать всё то, что мы начинали вместе, не давая ни объяснений, ни ответов. Для него эта история была лишь очередным отрезком пути, который он прошел и просто вычеркнул из графика, когда стало неинтересно. После этого

странного, скомканного финала наступило лето. Я уехала в свой город на два месяца, где наконец смогла выдохнуть и побыть с семьей.

Мы изредка общались в общем чате группы — обменивались дежурными фразами, шутили, как ни в чем не бывало. Все эти переписки казались мне глубоко запутанными, полными намеков, которые я пыталась разгадать ночами. Но я понимала: это всё лишь в моей голове. Для него это был самый обычный сценарий, привычный способ общения, который ровным счетом ничего не значил.

И вот — начало сентября, я уже второкурсница. Снова стены академии, снова знакомые коридоры. Я знала, что скоро увижу его, и внутри всё сжалось. Лето подарило мне иллюзию свободы, но я понимала: как только наши глаза встретятся, этот сценарий, из которого я так пыталась вырваться, начнется по новой.

Финал наступил внезапно — в холодном коридоре академии, прямо перед входом в аудиторию. Я уже собиралась войти внутрь, чтобы занять свое место до начала лекции, когда меня перехватила общая знакомая. Её взгляд был полон той тяжелой, липкой жалости, от которой хочется немедленно спрятаться.

Она замялась, оглядываясь по сторонам, и прошептала то, от чего внутри всё похолодело: — Майя, ты не знала? Мистер А. разносит на весь поток, что ты... ну, что ты никчемная. Что ты сама за ним бегала, а он просто позволил тебе побыть

рядом. Слово «никчемная» ударило сильнее, чем пощечина. Оно повисло в воздухе, превращаясь в приговор. Я вошла в лекционный зал — в аудитории было шумно, студенты занимали места, смеялись, обсуждали планы на вечер. Преподавателя еще не было, звонок на лекцию не прозвенел, и этот гул голосов показался мне оглушительным.

Сотни глаз, казалось, были устремлены на меня. Шепот — тихий, пронзительный, как визг металла по стеклу — бил по спине. Я шла к своему месту, чувствуя, как тысячи невидимых игл прошивают мою уверенность, превращая её в лохмотья.

А потом я подняла голову. Он сидел на галерке, на самом верху. Он не готовился к лекции, не разговаривал с друзьями — он явно ждал моего появления. На его губах играла ленивая, почти сонная улыбка, в которой не было ни грамма сожаления, только холодный триумф победителя. В эту секунду что-то внутри меня — та тонкая нить надежды, за которую я держалась, — оборвалась с сухим звуком.

На смену боли пришла ледяная, кристально чистая ясность. Я больше не хочу его ни видеть, ни слышать. Никогда.

После этого жизнь превратилась в полосу препятствий. Мы продолжали пересекаться в компаниях, где он демонстрировал своих новых девушек с той же легкостью, с какой менял рубашки. Однажды в клубе мне пришлось лицезреть их поцелуй — меня колотило, внутри всё выворачивало от омерзения и невыносимой горечи осознания того, как слепа

я была.

Я начала избегать любых пространств, где он мог появиться. Это стало моей стратегией выживания. Когда его, наконец, перевели на другой факультет, я вздохнула так глубоко, как не дышала последние два года. Мы почти перестали видаться, лишь изредка сталкиваясь взглядами издали, на общей территории академии, как два незнакомца, которые когда-то знали друг о друге слишком много, но теперь предпочитали делать вид, что между ними никогда не было ничего общего.

Глава 4. Тихая гавань, ставшая клеткой

Академия была лишь прологом, а настоящая взрослая жизнь ворвалась ко мне на третьем курсе. В ней появился другой человек — полная противоположность «Мистеру А.». Простой, добрый, мой давний друг, с которым, как мне казалось, можно построить фундамент, свободный от драм и хаоса. Я отчаянно пыталась заглушить эхо той первой, болезненной любви, и бросилась в эту «нормальность» с головой.

Свадьба, кольцо на пальце, ожидание чуда — всё шло по классическому сценарию, который должен был сделать меня счастливой. На пятом курсе я уже была не просто студенткой, я была будущей матерью, уходящей в декрет прямо из лекционных аудиторий, с тяжелым портфелем и еще более тяжелым чувством ответственности за крошечную жизнь. Но за фасадом «правильной» семьи скрывалась трещина, ко-

торая становилась шире с каждым днем. Оказалось, что даже самая крепкая дружба не гарантирует близости, а попытка сбежать от прошлого в «безопасную гавань» лишь отсрочила неизбежное. Три года. Три года мы пытались построить дом на основании, которое начало трескаться еще в самом начале. В наших отношениях было много всего — и хорошего, и болезненного, — но с каждым рассветом я всё отчетливее понимала: мы просто не подходим друг другу. Я училась быть женой, быть мамой сына, быть идеальной хозяйкой, но внутри я играла роль в чужом спектакле, где мой голос был лишь фоновым шумом. Развод стал моим самым громким манифестом. Это не было импульсивным решением — это была осознанная эвакуация из плена собственной несчастной судьбы. Когда я подала документы на развод, забрав сына, я чувствовала себя так, будто с меня содрали слой ороговевшей кожи. Мне было страшно до дрожи, но в этой пустоте, которая осталась после ухода, я впервые за эти годы услышала саму себя.

Я не просто ушла. Я начала собирать себя заново — по кусочкам, по деталям, по кирпичикам. Из декрета вышла уже не той студенткой, которая верила в сказки. Я вышла женщиной, у которой за плечами — опыт ошибок, ответственность за маленькую жизнь и яростное желание доказать, прежде всего себе, что я способна на большее, чем просто быть «женой».

Глава 5. Мой личный манифест

Возвращение к жизни после развода было похоже на спуск под воду без акваланга — сначала ты судорожно ищешь воздух, а потом понимаешь, что можешь плыть сама. Я больше не хотела быть чьей-то тенью. Мне нужно было нечто, что принадлежало бы только мне, что зависело бы только от моих усилий и моего вкуса.

Я ушла с головой в творчество. Дизайн стал моим способом общения с миром, языком, на котором я наконец могла выразить всё то, что годами копилось внутри. Каждая идея, каждый проект — это были не просто заказы, это были маленькие частички моей независимости. Я находила отражение себя в визуальных формах, в работе над концепциями, где порядок и гармония были единственным законом.

После развода я научилась искусно выстраивать стены. Вокруг были мужчины, были свидания, было легкое веселье — я позволяла себе чувствовать вкус жизни, но никогда не подпускала никого к тому тайнику, где хранилась моя настоящая, уязвимая суть. Мои родные и друзья видели успешную, независимую Майю, которая строит карьеру, воспитывает сына и не нуждается в плече. Я была неприступна, потому что знала: если открыть дверь слишком широко, в нее снова может ворваться холод.

Быть мамой-творцом оказалось сложнее, чем я могла представить, но в этом бесконечном процессе я нашла то, чего не было в браке: драйв. Моим убежищем стала работа, моя независимость и то, что я выстроила сама, не полагаясь

ни на чью помощь. Я больше не «хорошая девочка», которая ждет одобрения. Я — та, кто наполняет мир вокруг себя созиданием. В этом новом ритме, в этом постоянном стремлении к совершенству, я наконец-то почувствовала себя по-настоящему свободной.

Но именно в момент этой полной свободы судьба, как правило, готовит свой самый непредсказуемый ход. Прошрое, которое я так тщательно вычеркнула из своей жизни, решило напомнить о себе — тихо, но настойчиво, как эхо, которое возвращается к тебе, когда ты меньше всего этого ждешь.

Глава 6. Случайный сигнал

Эхо прошлого ворвалось в мою жизнь не как гром среди ясного неба, а как тихий сигнал. Это произошло будничным вечером. Сын спал в соседней комнате, и в квартире стояла звенящая тишина. Я сидела на кровати, поджав под себя ноги. Мягкое покрывало, приглушенный свет ночника — здесь я чувствовала себя в безопасности. На коленях лежал планшет, по экрану которого плавно скользил стилус. Я была полностью погружена в работу над макетом.

Буквально прошлой ночью я видела мистера А. во сне. Это был странный, тягучий сон, где время смешалось в одну бесконечную петлю. Я видела его лицо — молодым, дерзким, именно таким, каким он был в сентябре первого курса, когда только начинал «брать меня в оборот». Проснувшись, я еще долго не могла сбросить с себя это ощущение чужого присутствия. Осадок остался такой сильный, что я

даже обронила: «Мне снился он. Будто скоро Мистер А. где-то выстрелит». Я не верила в знаки, но была уверена в своей интуиции. И когда телефон, лежащий на кровати рядом со мной, завибрировал, высветив знакомое имя, я не удивилась. Я просто поняла: это было неизбежно. А потом пришло сообщение. Оно появилось на экране как непрошенный гость из прошлого, перечеркивая все мои попытки забыть. Десять лет. Ровно десять лет с того момента, как я была «солнцем», которое выбросили, как ненужную вещь.

«Майя, привет. Недавно вспоминал о студенческих временах...»

Я перечитывала эти строки, и внутри меня закипала смесь ледяного спокойствия и болезненного любопытства. Он писал о «ностальгии», о «беззаботных временах», будто за этими словами не стояла моя разбитая гордость первокурсницы.

«...с учетом того, что вел себя как мудак, о чем очень сожалею до сих пор».

Это слово — «мудак» — резануло слух. Он не пытался оправдаться. Он бил в лоб, зная, что именно эта прямота — единственное, что может заставить меня остановиться и прочитать до конца. Время в моей спальне остановилось. Я смотрела на игрушки сына, разбросанные по ковру, на свою жизнь, которую создала сама, — и чувствовала, как фундамент, который я так старательно укрепляла, начал дрожать.

Он не просто постучался в мою жизнь. Он открыл дверь ногой. И самое страшное было не в том, что он написал. А

в том, что в глубине души, в том самом месте, которое я так бережно охраняла, что-то отозвалось. Словно старая рана, которая, как мне казалось, затянулась, вдруг снова заняла от перемены погоды. Я сидела, держа телефон, и чувствовала себя той самой девчонкой с клетчатым чемоданом, приехавшей в академию. Только теперь я знала цену словам. Я не стала играть в «недоступную королеву» и притворяться обиженной девочкой. В моем ответе было больше силы, чем в любом игнорировании.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.